

**П.А. СОРОКИН О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ,
ПУТЯХ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского Государственного Института Международных Отношений МИД России

Проблема природы социальных катаклизмов и кризисов всегда привлекала к себе внимание обществоведов. Специально ее занимался и П.А. Сорокин. В отличие от многих обществоведов, считавших кризисы аномальным периодом в развитии общества, Сорокин полагал, что кризисы являются *естественным состоянием* развития человеческой цивилизации, обусловленным процессом флуктуации социокультурных суперсистем. Особое внимание ученый уделял исследованию того, при каких условиях кризисы ведут к катастрофе общества, а при каких - переходу в иную социокультурную систему.

1. Место кризиса в социокультурной динамике цивилизаций

В работе «Социальная и культурная динамика» социолог исследовал изменения в системах истины, науки, политики, общественных отношений, сознания и мышления в разных цивилизациях и в разные исторические периоды, придя к выводу, что эти изменения, в конечном счете, обусловлены характером динамики – чувственной, идеациональной/идейной и интегральной культур: «ни идеациональный, ни чувственный типы культур никогда не существовали в чистом виде, но все интегрированные культуры в действительности оказываются состоящими из различных соединений этих

двух чистых логико-смысловых форм. В некоторых преобладает первый тип, в некоторых – второй; в каких-то они оба смешаны...»¹.

Как считал П.А. Сорокин, флуктуация от одного типа культуры к другому носит весьма *сложный характер*. Временные параметры флуктуационного цикла определить невозможно, но общая направленность изменений предполагает прохождение ряда последовательных этапов: *дезинтеграция социокультурного порядка – кризис – или гибель общества, или мобилизация сил – новый социокультурный порядок*.

Для обоснования теорем флуктуаций культур и природы кризиса Сорокин использовал весьма *сложный теоретико-методологический инструментарий*, предполагавший *интегральное применение* ряда принципов, среди которых следующие: учет как больших, так и малых флуктуаций идеациональной и чувственной культуры; долговременных и краткосрочных волн; разнообразия моделей флуктуации: «В некоторых случаях флуктуация происходит резко; в других – и это более распространенная модель – волны подъема и упадка носят относительно спокойный характер, но даже в этих случаях наблюдается значительное разнообразие»²; признание отсутствия устойчивой линейной тенденции и механистической периодичности; разнообразия ритмов и «тактов»: множество разнообразных фаз, ритмов и тактов в каждой волне «подтверждает тезис о “творчески беспорядочном» характере исторического процесса. Формула Гегеля описывает лишь один из многих ритмов и тактов, характерных для самых разнообразных волн»³. Необходимо также учитывать чередования периодов усложнения – дифференциации и упрощения – унификации, имманентную саморегуляцию⁴. Особо Сорокин подчеркивает значимость *детерминистской и недетерминистской причинности*, обосновывая ряд принципов. Среди них: 1. *Принцип имманентного*

¹ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: ЗХГИ, 2000.- С. 45.

² Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 338-339.

³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 340.

⁴ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 333-342.

порождения последствий. «Любая социокультурная система, – пишет П. Сорокин, пока она существует и функционирует, непрерывно порождает последствия, которые являются результатами не внешних факторов, а существования и жизнедеятельности самой системы... Одной из специфических форм этого имманентного порождения последствий является непрерывное изменение самой системы, происходящее благодаря ее существованию и активности»⁵. 2. *Принцип имманентного самоопределения системой своей собственной судьбы:* «Как только социокультурная система появляется на свет, ее неотъемлемый и «привычный» способ существования, формы, стадии, жизненная активность или судьба обусловлены главным образом самой системой, присущим ей характером и совокупностью ее свойств»⁶. 3. *Имманентная самодетерминация как синтез детерминизма и индетерминизма:* «Детерминизм системы превращается в ее самодетерминацию. Самодетерминация – это синоним свободы»⁷.

Как видно, теоретико-методологический инструментарий весьма валидный, заслуживает доверия. На его основе были сделаны выводы, переосмысливающие прежние представления об общественном прогрессе в виде поэтапного развития. «История, – писал П. Сорокин, – показывает только бесцельные флуктуации... вопреки моему желанию увидеть в истории этапы поступательного, прогрессивного развития, я неизбежно терплю неудачу, пытаюсь как-то подкрепить такую теорию фактами. В силу этих обстоятельств я вынужден удовлетвориться менее чарующей, хотя, возможно, более корректной концепцией бесцельных исторических флуктуаций»⁸.

⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: ЗХГИ, 2000. – С. 741.

⁶ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... – С. 741.

⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... – С. 743.

⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 310

Опираясь на свое видение социальной и культурной динамики человеческой цивилизации, П.А. Сорокин в начале 60-х годов прошлого столетия, выступая на международных конгрессах по социологии, обосновал следующие достаточно долговременные тенденции, суть которых была изложена в работе *«Главные тенденции нашего времени»*. Их три: «во-первых, перемещение творческого лидерства человечества из Европы и Европейского Запада, где оно было сосредоточено в течение последних пяти столетий, в более обширный район Тихого океана и Атлантики, особенно в Америку, Азию и Африку; во-вторых, продолжающаяся дезинтеграция до сих пор преобладающего чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей; в-третьих возникновение и постепенный рост первых компонентов нового – интегрального – социокультурного порядка, его системы ценностей и типа личности»⁹.

Эти три тенденции взаимосвязаны между собой. Последние пять-шесть веков евро-американские народы осуществляли творческое лидерство человечества. «В течение этого короткого периода, - пишет Сорокин, - они блестяще выполняли свою творческую миссию, особенно в области науки, технологии, чувственных изящных искусств, политики и экономики. В настоящее время, однако, европейское монополистическое лидерство можно считать почти завершимся. Настоящая и будущая история человечества уже представлена на гораздо более обширной сцене азиатско-африкано-американо-европейского космополитического театра. И звездами следующих актов великой исторической драмы готовятся стать – помимо Европы, Америк и России – возрождающиеся великие культуры Индии, Китая, Японии, Индонезии и исламского мира»¹⁰.

Подчеркнем, это было сказано и написано в годы существования биполярного мира, Карибского кризиса, накалившего до предела жизненного существования взаимоотношения двух систем. Это заявление, по существу, подрывало параметры существовавших тогда межгосударственных союзов и

⁹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.: Наука, 1997.- С. 11.

¹⁰ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 14.

экономических блоков, которые в то время казались незыблемыми. Дезинтеграция же чувственного социокультурного строя, по Сорокину, началась раньше, в начале XX века: «Заметная дезинтеграция чувственного порядка, - пишет он, - возбудила вспышки первой и второй мировых войн, множество войн меньшего масштаба, кровопролитнейших революций, мятежей, преступлений и насилий в их наихудших формах»¹¹.

Не удивительно, социологические воззрения Сорокина, по большому счету, тогда казались утопиями и не были востребованы ни в Советском Союзе, ни в США, - каждая сторона претендовала на монополизм и универсализм своих ценностей. И американские, и наши обществоведы – современники Сорокина причину войн усматривали в политико-экономических интересах, а природу, пожалуй, первого всемирного кризиса - Карибского кризиса, - поставившего мир на грань ядерной войны, уничтожения человеческой цивилизации, видели в борьбе военно-политической и социально-экономической двух мировых систем, отчасти борьбе идеологической и интеллектуальной.

Сорокин же природу мирового кризиса интерпретировал значительно шире, усматривал, прежде всего, как конкретный результат *дезинтеграции* чувственной культуры, ее моральных и правовых ценностей («сила становится правом»¹², - писал он), ее стиля жизни, акцентирующего такие чувственные ценности, как благосостояние, телесный комфорт, наслаждение, популярность, жажда власти и славы¹³. Все эти ценности формировали преобладающий тип личности и более того - образ социальных групп, характер институтов, которые прежде достаточно эффективно изнутри регулировали поведение людей, включая деятельность политических лидеров. Ценностная же дезинтеграция приводит к тому, что индивиды начинают, главным образом, руководствоваться своими биологическими побуждениями, страстями и вожделениями, а это ведет к структурно-

¹¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 20.

¹² Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 28.

¹³ См.: Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 19.

функциональной дезинтеграции, по существу, к «старению» целого ряда институтов западного мира. Социолог так интерпретировал природу кризиса: «главные элементы кризиса следующие: он заключается в распаде чувственной формы нашей культуры, общества и образа жизни, которые преобладали в западном мире в течение последних пяти столетий; кризис охватывает все сферы этой чувственной культуры и общества; в этом смысле он всеобщий, эпохальный и величайший из всех кризисов в истории западного мира»¹⁴.

Поясняя процесс протекания кризиса, социолог отмечает, что упадок чувственного строя «происходит двумя путями: (а) путем вырождения его свободных, договорных институтов, ценностей и идеологии в принудительных и мошеннических монстров, рожденных от договорных родителей; и (б) путем растущего обесценивания и устаревания этих родительских институтов, ценностей и идеологий»¹⁵. По существу, Сорокин ведет речь о *старении* существующих институтов и ценностей. Для подтверждения сказанного он приводит ряд примеров. Вот один из них, касающийся того, что принцип всеобщего избирательного права реализуется «в своей выхоленной форме». «Ценность голосования упала так сильно, что в ряде штатов граждан заставляют голосовать под страхом судебного наказания; неучастие в голосовании оказывается наказуемым преступлением. Один этот факт свидетельствует о чудовищном вырождении принципа избирательного права. Некогда великая привилегия стала бременем, навязанным гражданам, причем неучастие в голосовании грозило им наказанием»¹⁶.

Лишь спустя сорок лет проблема структурно-функционального старения современных обществ была вынесена в повестку дня 6-й Конференции Европейской социологической ассоциации (Мурсии, Испания, 2003 год), которая проходила под девизом «Стареющие общества, новая

¹⁴ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 17.

¹⁵ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 64.

¹⁶ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 73.

социология». Его суть без ссылок на П.А. Сорокина так выразила Я. Сойсал, в то время президент исполкома Европейской социологической ассоциации: «Перемены нашего времени по своему величию подобны тем, которые случились в период возникновения социологической классики. Смогут ли наши концепции и организационные метафоры трансформировать себя и стать основой новой социологии для осмысления «стареющих» обществ Европы и мира?

Идеологии, ценности, иерархии, границы, стили жизни и институты Европы, равно как и её народы, столкнулись лицом к лицу со значительной дезинтеграцией и обновлением. Что представляют собой возникающие в эру перемен социальные регуляторы, конфигурации, конфликты и расколы? Каковы наши социологические константы, категории и вехи, позволяющие вскрыть внутренние движения общества?»¹⁷

Современный кризис, руководствуясь методологией Сорокина, полагаем, можно трактовать как значимую фазу достаточно долговременного общемирового кризиса чувственного миропорядка, выражающегося в «старении» его институтов и ценностей. Однако и ныне многими аналитиками данный кризис трактуется узко - как кризис финансовый и экономический, а не кризис социокультурной системы.

2. О путях выхода из кризиса

Принципиальный вопрос - предлагающиеся *пути выхода из кризиса*. Они разные, но различаются *по интерпретации природы кризиса*. Считающие, что современный миропорядок универсален, неизблем, тогда предлагали укреплять военное могущество, ныне лишь сместили акцент на укреплении могущества финансового. Иными словами, *выход из кризиса усматривался и продолжает усматриваться в укреплении ценностей и институтов западной культуры*. Соответственно, этот подход практически

¹⁷ Programme of Sessions. – The 6th Conference of the European Sociological Association. Ageing Societies, New Sociology. – Murcia (Spain), 23-26 September, 2003. – P. 7

реализуется в осуществлении денежных вливаний в банки, поддержку финансовых институтов и гигантов автомобилестроения и т.д.

Сорокин же предложил иную интерпретацию природы кризиса и ему представлялись иные пути выхода из него. «К счастью, - замечает он, - для всех тех обществ, которые не погибают в период такого перехода от одного базисного порядка к другому, процесс дезинтеграции часто вызывает мобилизацию оппозиционных сил... Эпохальная борьба между все более возрастающими бесплодными и деструктивными силами умирающего чувственного строя и созидательными силами возникающего интегрального социокультурного строя характеризует все сферы современной культуры и социальной жизни и глубоко влияет на образ жизни каждого из нас»¹⁸. Новый интегральный социокультурный порядок социолог характеризует следующим образом: «В основании нового социополитического строя будет лежать современное научное знание и аккумулированная мудрость человечества; этот строй воодушевляется не “борьбой за существование и взаимным соперничеством”..., но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью, подразумевающей такие отношения»¹⁹.

Естественно, что новый социополитический строй предполагает и новые тенденции в деятельности властных организаций самого разного толка – правительств, деловых корпораций, профсоюзов и иных организаций. Здесь Сорокин выделяет следующие “значительные тенденции”: возрастание роли ученых в планировании, развитии, политике, управлении правительственной деятельностью, создании «правительств ученых и экспертов». Развивая свою мысль, П.А. Сорокин отмечает, что «достойное правительство близкого будущего будет нуждаться в успешном выполнении каждым научным администратором задачи интеграции узкого знания во взаимодействии с учеными и мудрецами. Одновременно такому правительству потребуются

¹⁸ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 29, 30.

¹⁹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 75.

моральные лидеры, чтобы направлять их на служение исключительно целям добра, а не зла»²⁰.

Кстати, заметим, что нынешняя власть в России, в преодолении кризиса ориентируется не только на социально-рачительное использование стабилизационного фонда, но и на борьбу с коррупцией, обновление государственного аппарата, включая в его резерв людей, имеющих высокий моральный авторитет в обществе, а также ученых-специалистов.

Если в качестве стратегической цели выхода из нынешнего кризиса ставить переход к *новой социокультурной системе, основанной на гуманизации человеческих отношений, что могло бы стать стержнем новой Национальной идеи*, спланивающей россиян, то необходимо задействовать потенциал Добра, заложенный в российском национальном характере. Этот потенциал Добра не только не исчез, но по некоторым направлениям приумножил себя в годы Советской власти. Об этом непредвзято и взвешено пишет Сорокин: «Хотя Советы и подобные им режимы ввели негуманную регламентацию жизни миллионов своих граждан, вместе с тем они освободили эти миллионы от многих прежних форм подчинения и эксплуатации. ...эти режимы сформировали у своих граждан не только менталитет и поведение регламентированных и поработанных заключенных, но также характер, энтузиазм и поведение членов свободного “мы-коллектива”, добровольно объединенного взаимной симпатией и ответственностью, взаимной помощью, свободным сотрудничеством и неэгоистической любовью в одну огромную семью, или братство»²¹.

Современные социологические исследования, проведенные сотрудниками Института социологии РАН под руководством его директора М.К. Горшкова, свидетельствует, что потенциал Добра в общественном сознании и поведении россиян сохраняется, хотя приобретает новые черты и качества. Социологический портрет современной России определяют Свобода и Братство. Это огромный потенциал успешного выхода из

²⁰ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 80-81.

²¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 77-78.

современного кризиса, хотя его отягощает невиданная ранее социальная дифференциация населения. Вместе с тем, результаты исследования свидетельствуют, что «идут внешне не очень заметные, но, тем не менее, достаточно интенсивные процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных сообществ... многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но к еще большей степени - готовность к такого рода участию в будущем»²². Отрадно и то, что 30% представителей среднего класса самым главным в воспитании детей в современных условиях считают воспитание честности и доброты²³. Не все ныне существующие общества имеют такой гуманистический потенциал. Да, и нам надо его не растрчивать, а, напротив, восстанавливать, поддерживать собственно человеческие ценности, совмещая традиции гуманизма со свободами. Нельзя, например, административными мерами преодолевать демографический кризис, являющийся, полагаем, частью кризиса чувственного миропорядка. И не решить его только с помощью материнского капитала – необходимо возрождение семейных ценностей. Сделать это отнюдь не просто, когда семейным ценностям с телеэкранов активно противостоят чувственные ценности, столь характерные для жизни многих современных «звезд», которые зачастую не имеют ни таланта, ни знаний, ни высоких моральных качеств, а лишь известность, весьма легко создаваемую с помощью симулякров. По существу, доминирующие чувственные ценности весьма эффективно выполняют латентную функцию противозачаточных средств.

Разумеется, было бы утопией сегодня искать путь преодоления кризиса за счет отказа от чувственных ценностей, материального комфорта вообще. И Сорокин отнюдь не ратует за это. Он видит и обосновывает возможности перехода человечества к новой социокультурной системе, в

²² Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Под общ. ред. М.К. Горшкова. – М.: ИИК «Российская газета», 2007. – С. 444.

²³ См.: Социологический портрет современной России... - С. 305.

которой интегрально совмещены чувственные и идейные ценности, но приоритет все же отдается производству Добра и гуманизации человеческих отношений.

3. Влияние кризиса на научное мышление и знание об обществе

Кризис, как считает П.А. Сорокин, обострил борьбу в науке между представителями чувственного строя и силами интегрального социокультурного порядка. Это проявилось в расколе научного сообщества: с одной стороны, нарастает разрушительность, вызванная морально безответственными научными достижениями чувственного типа, а с другой – растет число ученых, которые ратуют за социальную ответственность в науке²⁴. Кроме того, создание, рост авторитета конкретных теорий и последующий его упадок происходит в контексте социокультурной динамики, соответственно, влияющей на характер флуктуаций научного мышления и знания. На основе изучения флуктуаций концепций в области общественных и гуманитарных наук ученый сделал следующие три обобщающих вывода. «Первый: относительная влияние каждой из основных концепций в разных культурах разная. Второй: в истории одной и той же культуры эта влияние изменяется. Третий: влияние, распространенность и авторитет каждой концепции зависит во многом от характера доминирующей ментальности данной культуры в данное время»²⁵. Сорокин также добавляет, что «не столь очевидным, но вряд ли ошибочным является четвертое предположение, а именно – о предварительных корреляциях, которые были установлены между идеациональной и чувственной культурами, с одной стороны, и типами концепций, которым отдает предпочтение каждая из них, с

²⁴ См.: Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 30.

²⁵ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: ЗХГИ, 2000. – С. 445.

другой стороны (этим и объясняется тенденция, в силу которой та или иная концепция становится влиятельной)»²⁶.

Через призму этих суждений социолог анализирует флуктуации таких категорий научного мышления, как причинность, время, пространство, число, утверждая, что каждая из этих категорий «принимает или идеациональную, или чувственную формы и что каждая из этих форм усиливается или ослабевает вместе с ростом и упадком соответствующей культуры»²⁷. В частности, социолог отмечал две глубоко различные концепции причинности – идеациональную и чувственную: «Идеациональная ментальность усматривает причину в трансцендентной реальности; чувственная – в чувственно воспринимаемом мире»²⁸. Отличие, по его мнению, проявляется и в числовых операциях, что обусловлено существованием чувственной и «научной» трактовки чисел: «...нумерология и математика идеациональной и чувственной концепций отличаются друг от друга»²⁹. Аналогично, ученый говорит о двух разных концепциях времени – идеациональной и чувственной³⁰.

Таким образом, заключает П.А. Сорокин, «достоверность или недостоверность каждой из этих концепций... зависит от содержания господствующего типа культуры»³¹. А если господствующий тип культуры вступил в фазу кризиса, как это в итоге сказывается на характере научного мышления? Означает ли это, что валидность, достоверность, самого научного знания является релятивной, зависящей от флуктуации культур?

Сорокин делает вывод о корреляции между кризисом чувственной культуры и переходом к иному типу научного теоретизирования: современная наука стала «менее материалистической, механистической и детерминированной – или менее чувственной»³². Естественно, это сказывается и на изменении теоретико-методологического инструментария, и на динамике

²⁶ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 445.

²⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 462.

²⁸ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 447.

²⁹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С.462.

³⁰ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 457.

³¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 445.

³² Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – С. 30.

знания, что касается всех наук. «Особенно недолговечны социологические науки, - пишет он. – За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается»³³.

Оставим в стороне радикализм формы этого суждения: многие «отвергнутые» теории зачастую раскрываются новыми гранями, обретают новую жизнь. Но трудно не согласиться с тем, что научное мышление и, соответственно, социальное знание подвержено изменениям, подчас весьма радикальным.

Представляется, особенно ценным для понимания современного научного мышления является изучение Сорокиным того, как «вливают катастрофы на простейшие мыслительные процессы и на мыслительную жизнь в целом», что он делает в работе *«Человек и общество в условиях бедствий»*. В ней обосновывалось, что кризисы, порождающие бедствия, являются *естественными компонентами* общественного развития. Более того, прямо указывалось, что бедствия *не только разрушительны, но и конструктивны*: «бедствия не являются исключительным злом: наряду с их разрушительными и вредными действиями они играют также конструктивную и положительную роль в истории культуры и творческой деятельности человека. Для человечества катастрофы имеют великое обучающее значение»³⁴. По существу, Сорокин предложил и обосновал концепцию *динамического, неопределенного научного мышления*, столь необходимого для адаптации к кризисному, неопределенному социуму.

Опираясь на методологию этой концепции, полагаем, можно сделать следующие выводы: 1) характер научного мышления изменяется во времени и культурном пространстве, и потому нет и не может быть «универсального», «единственно верного» научного мышления; 2) кризисы, особенно кризисы

³³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика... - С. 471.

³⁴ Сорокин П. Человек и общество в условиях бедствия (фрагменты книги). – Вопросы социологии, 1993, № 3. – С. 53.

мирового масштаба, способствуют повышению динамичности научного мышления, приращению инновационного знания; 3) культура научного мышления об обществе возвышается над предметной сферой социального знания, выходит даже за пределы революционных и эволюционных подходов – разграничительная линия типов научного мышления проходит по интерпретации таких базовых категорий, как причинность, время, пространство, число, что, соответственно, сказывается на характере интерпретации самой социальной реальности и ее динамики; 4) влияние интернационального содержания социального знания разная в различных культурах, что обусловлено прежде всего доминирующим типом научного мышления в конкретном обществе.

Вместе с тем, со времени творчества П.А. Сорокина прошло более полувека. Нельзя абсолютизировать и канонизировать значимость его теоретических положений, даже признавая уникальность подтверждения жизнью *долгосрочных* научных прогнозов, сделанных ученым. Ныне *радикально* изменился сам социум, у него появились принципиально новые качества. По терминологии Э. Гидденса, социум времен Сорокина определяется как «модернистский». Ему на смену пришел «радикальный модерн», который в настоящее время сменяется «постмодерном»³⁵. Другой, более ускоренной и, главное, более усложненной стала сама социокультурная динамика общества. Это, в частности, выражается в парадоксальных синтезах и разрывах социума, его фрагментации, дисперсии, десоциализации и вместе с тем развития сетевых отношений. В сетевом обществе, пишет И. Пригожин, «информационные технологии создают связи, порождающие многие нелинейности и вызывающие множество новых возможностей в форме бифуркаций»³⁶. Кроме того, стала полновластной виртуальная реальность. Все эти тенденции Сорокин практически не мог наблюдать.

³⁵ См.: *Giddens A. The Consequences of Modernity.* – Cambridge: Polity Press, 1990; *Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ.* – М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

³⁶ *Пригожин И.Р. Сетевое общество.* – Социс, 2008, № 1.- С. 25-26.

По нашему мнению, ныне неприемлемо рассматривать изменение научного мышления, категориального аппарата теорий, социального знания, лишь через призму флуктуаций идеациональной и чувственной культур. Также неприемлемо полагать, что флуктуации типов научного мышления и знания осуществляются по «закону позитивной и негативной поляризации» – спектр научного теоретизирования нельзя сводить к двум полюсам. К тому же, не исключена их функциональная амбивалентность: в контексте ненамеренных последствий развития новейших технологий позитивный полюс может становиться негативным, а негативный позитивным. Более того, позитивность и негативность обретает контекстуальный характер, зависит от конкретного дискурса, причем не только обыденного, но даже научного. Не можем однозначно согласиться с тем, что достоверность/недостоверность концепций зависит от содержания господствующего типа культуры и того, находится ли она в кризисе.

Принципиально новая, усложняющаяся социальная и культурная динамика, естественно, сказывается на характере научного мышления и теоретизирования. К примеру, в современных условиях социологической теории необходимо анализировать социум разной динамической сложности, находящийся в разных темпомирах и разных культурах, подверженный парадоксальным разрывам и синтезам, имеющий тенденцию к дисперсии, да еще рефлексировать по поводу самых разных амбивалентностей: глобализации и локализации, инноваций и процессов структурно-функционального «старения» социума, появлений десоциализированного социума и новых социальных идентификаций; возникновения новых типов рациональностей и иррациональностей и т.д. Всего этого просто не было во времена Сорокина. Кроме того, что весьма важно, само научное знание становится фактором рефлексивности социума: через общественный дискурс знание может задавать направление общественного развития, ускорять или замедлять темпы динамики.

Отметим еще несколько новых факторов, оказывающих влияние на характер научного мышления и знания, которые появились сравнительно недавно. В легитимации конкретных теорий и концепций необычайно возросла роль коллективных научных акторов в противовес объективным культурным факторам, а также тому обстоятельству, находится ли культура в кризисе. Например, в социологическом теоретизировании и мышлении процесс интернационализации социологии все рельефнее обретает полицентричность, однако без тенденции перемещения творческого лидерства от Европы и Америки. Скорее можно говорить о сосуществовании и конкуренции западных и незападных социологических парадигм, игры противоположных методологий, что, в свою очередь, предполагает разные культуры социологического мышления, подчас относящиеся к различным пространственно-временным мирам научной мысли (до сих пор встречаются работы, в которых «законы» общества трактуются в позитивистском духе). В итоге, какие теоретические подходы циркулируют на международных форумах, входят в социологические учебники, на наш взгляд, определяется не столько их причастностью к полюсу чувственной культуры или же к полюсу интегральной культуры и даже не столько их валидностью или прогностической силой, сколько инициативой конкретных национальных социологических акторов, обеспечивающих публикацию, презентацию и широкую циркуляцию научных трудов своих представителей.

Как это ни парадоксально прозвучит, но, на наш взгляд, виртуальная реальность с брендами и симулякрами пришла и в научное поле. Еще Р. Мертон описал эффект Матфея, выражающийся в том, что работы, опубликованные авторитетными учеными, имеют бóльшую научную признательность, чем примерно аналогичные работы ученых, не имеющих символического капитала. Роль символического капитала и брендинга в производстве научного знания ныне необыкновенно возросла. Многих современных ученых заботит не только научная истина, но и ее презентация с помощью *кодов сигнификации*, которые добавляют к их работам

специфический символический капитал. В качестве технологии, позволяющей производить коды сигнификации, все возрастающая роль принадлежит *перформансу, спектаклизации, играизации*³⁷, «культуральным структурам»³⁸. Жесткая научная терминология уступает место текучим метафорам, имидживым названиям, с помощью которых формируются бренды теорий. Примеры тому: «Ускользящий мир» (Э. Гидденс), «Общество спектакля» (Г. Дебор), «Макдональдизация общества» (Дж. Ритцер), и этот список можно продолжать. Еще более рельефно эта тенденция проявляется с введением в научный дискурс понятий имиджевого толка: след, ризома, смерть субъекта и т.д.

Из этого следует, что виртуальная реальность, ее специфическая культура имеют, по крайней мере, свое относительно самостоятельное существование по отношению к флуктуациям идеациональной и чувственной культур. Соответственно, авторитет, по крайней мере, брендовых теорий, обеспечивается инструментами виртуальной реальности.

Интерпретировать усложняющуюся социокультурную динамику с помощью сорокинской концепции *динамического, неопредетерминистского научного мышления* не всегда представляется возможным. Начались попытки создания иных моделей научного мышления. Среди них отметим концепцию *синергетического мышления*, разрабатываемую В.Л. Романовым, которая основывается на интеграции социологии с естественными науками, в частности, с социосинергетикой. Особенностью этого типа мышления является его «синергичная и сингрессивная образность, когда формирующийся в сознании деятеля образ наиболее полно несет в себе все многообразие различных реальных и виртуальных характеристик ситуации в их нелинейно

³⁷ См.: *Кравченко С.А.* Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход. – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2006.

³⁸ См.: *Jeffrey A. Alexander.* The Meaning of Social Life. A Cultural Sociology. – Oxford University Press, 2003. – P. 5-26; *Джеффри С. Александер.* Демократическая борьба за власть: президентская кампания в США 2008 года. - Вестник МГИМО-Университета, № 3, 2008. – С. 73-80.

движущемся взаимоперемешивании и перемежении»³⁹. Однако, на наш взгляд, его слабая сторона в том, что недостаточно учитывает проблематику изменений *гуманистического* потенциала социальных акторов, которая, по Сорокину, особенно важна как для осмысления кризиса, так и нахождения путей выхода из него. Поэтому, на наш взгляд, не отрицая и не умаляя само многообразие разных типов научного мышления, считаем необходимым обоснование модели *нелинейно-гуманистического мышления*, которое опирается на теоретические и гуманистические воззрения Сорокина, а также последующие наработки в этом направлении. В самом общем приближении эту модель мышления можно определить следующим образом. Это мышление, *исходящее из ускорения и усложнения социокультурной динамики, взаимозависимой целостности человечества, синергично учитывает парадоксальные синтезы и разрывы рискогенного, дисперсионного социума, его объективные, субъективно сконструированные и виртуальные реалии, ставит во главу исследования жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности.* Это мышление опирается на интегральную теорию Сорокина человеческой личности, его представления о Добrote, гуманности путей и средств достижения целей общественных преобразований⁴⁰.

Важнейшей составляющей нелинейно-гуманистического мышления, на наш взгляд, должно стать новое социологическое воображение, востребованность которого уже осознается мировым социологическим сообществом. Попытка ее создания, в частности, была предпринята британским социологом Стивом Фуллером в книге *«Новое социологическое воображение»*. В ней предполагает мышление в терминах расширяющегося теоретического синтеза социологии с «недавно появившимися “прогрессивными” науками: социобиологией, эволюционной психологией,

³⁹ Романов В.Л. Проблемы административного реформирования (социосинергетический поиск). – М.: РАГС, 2004. – С. 60.

⁴⁰ См.: Сорокин П.А. Моя философия – интегрализм. – Социологические исследования, 1992, № 10.

поведенческой генетикой»⁴¹. Она ориентирует социологов на видение возможных ненамеренных последствий инноваций, осуществленных на основе знания этих наук. Еще одна концепция социологического воображения связана со становлением «постчеловека», атрибутом деятельности которого является использование «интеллектуальных машин»⁴².

На наш взгляд, следуя методологии Сорокина, можно утверждать, что все модели социологического воображения возникают под влиянием обострения кризиса. Так было с теорией социологического воображения, предложенной Ч. Миллсом⁴³. Совсем другая концепция социологического воображения была выработана П. Штомпкой, когда стало очевидным признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни. Их интерференции вызвали невиданные ранее аномичные последствия и эмерджентные латентные проявления, обусловленные влиянием традиций, живого наследия прошлого на настоящее⁴⁴.

При всем том, что все выше названные концепции социологического воображения оказали огромное продуктивное воздействие на развитие научного мышления, в них, на наш взгляд, недостает *гуманистического стержня*, который представляет квинтэссенцию воззрений П.А. Сорокина. Полагаем, российские обществоведы, опираясь на сорокинские гуманистические традиции, смогли бы создать свою теорию нового социологического воображения, ориентированную для Действующего Гуманистического Ученого, владеющего нелинейно-гуманистическим мышлением. Думается, это способствовало бы тому, чтобы социологический портрет России могли определять Свобода, Братство, Гуманизм. Нынешний кризис к тому побуждает.

⁴¹ Fuller, Steve. The New Sociological Imagination. – L.: SAGE, 2008. – P. 29.

⁴² Gane, Nicholas. New Theoretical Movements: The Challenge of the 'Posthuman'. - XVI World Congress of Sociology. Abstracts. ISA 2006 Congress. The Quality of Social Existence in a Globalizing World. – Durban, South Africa, 2006. – P. 86.

⁴³ См.: Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.

⁴⁴ См.: Штомпка П. Теоретическая социология и социологическое воображение. – Социологический журнал, 2001.

